

койно; поджавъ ноги подъ себя, онъ сидѣлъ, уставивъ глаза свои въ огонь, и перебиралъ четками, тогда какъ его спутникъ долго осматривалъ меня своими черными, живыми глазами, которые какъ будто говорили что-то, но не могли остановиться на одной точкѣ. Я нарочно старался не смотрѣть на любопытнаго незнакомца, какъ вдругъ онъ произнесъ довольно чисто по-русски.

— Вѣдь вы, кажется, русскій? Не правда ли?

Я встрепенулся и вздрогнулъ невольно при звукахъ роднаго языка. Громъ среди яснаго неба меня не могъ бы поразить сильнѣе, чѣмъ русская рѣчь, которую я услышалъ въ дикой пустынѣ недалеко отъ Чермнаго моря, на границахъ Собственной Аравіи. Первую минуту я не могъ предѣти въ себя и только внимательно оставилъ оба свои глаза въ эту красивую фізіономію. Она, правда, была не похожа на арабскую, но и русскаго, даже европейскаго, ничего не было въ ней.

— Да, — машинально отвѣчалъ я, не сводя глазъ съ таинственнаго незнакомца, слегка улыбуващагося при этомъ отвѣтѣ.

— Вы, кажется, удивляетесь, что я говорю по-русски, — продолжалъ онъ: — правда, я не русскій, но я живу въ Россіи; мое семейство и теперь тамъ. Я русскій татаринъ, купецъ изъ Ташкента—Букчіевъ, — прибавилъ онъ, видя мое возрастающее смущеніе; я былъ въ Меккѣ, а теперь пробираюсь въ Каиръ, а оттуда черезъ Стамбулъ въ Россію.

Мнѣ оставалось только позать руку своему соотечественнику, хотя мое изумленіе не могло пройти такъ скоро.

— Я удивился еще болѣе, — продолжалъ мой новый знакомый, — встрѣтивъ одинокаго русскаго среди пустынь Аравіи, а вамъ, кажется, удивляться нечего. Вѣдь не мало насъ, магометанъ, ежегодно уходитъ изъ Россіи помолиться въ Мекку ко гробу Магометову... Я такъ радъ былъ увидѣть русскаго, послѣ того, какъ восемь мѣсяцевъ не слыхалъ слова по-русски, что не могъ скриваться болѣе, и пришелъ прямо къ вамъ, хотя это не совсѣмъ-то удобно для меня... Вы не говорите только шейху, что я вашъ соотечественникъ, иначе они подумаютъ, что я переодѣтый гауръ, и тогда горе мнѣ!..

Несмотря на всѣ эти объясненія, очень понятныя и правдивыя, несмотря на то, что въ этомъ, собственно говоря, ничего не было удивительнаго, я все-таки не могъ оправаться вполне — теперь уже отъ пріятнаго изумленія. Вѣдь встрѣчалъ же я на берегахъ Нила феллаховъ, болтающихъ русскія слова, вынесенныя изъ плѣна; вѣдь говорилъ же я съ природнымъ